

В комнате витал аромат кипящего хого, клубился густой пар, наполненный пряным жаром. Жун Бай сидел за столом, основа для хого была самой простой, но благодаря идеально сваренному куриному бульону вкус получался невероятно насыщенным. Нарезанная тонкими ломтиками говядина таяла во рту, стоило лишь сделать первый укус, и брызгал мясной сок.

Судя по виду, Жун Бай должен был быть вегетарианцем: высокий и стройный, казалось, на его теле не было ни грамма лишнего жира. Однако реальность часто расходится с нашими представлениями, и Жун Бай оказался убежденным мясоедом, для которого жизнь без мяса была не в радость.

— Что ты на меня уставился? Ешь давай, — Жун Бай ел сам и одновременно подкладывал мясо в тарелку Цзян Яньбаю. Подняв на него взгляд, он добавил: — Не стесняйся, желудок-то твой.

Цзян Яньбай отвернулся. Выждав пару минут и убедившись, что Жун Бай больше не смотрит на него, он наконец взял палочки и принялся за еду. Его миска была с горкой наполнена говядиной — всё это положил Жун Бай.

Разве в те времена люди могли позволить себе есть говядину? Она стоила в несколько раз дороже свинины, на рынке торчал всего один мясник, а обычные семьи покупали ее лишь изредка, чтобы побаловать себя. Когда люди даже свинины не могли досыта наесться, о говядине и говорить не приходилось.

Цзян Яньбай осторожно откусил кусочек: мясо оказалось нежным и сочным, во рту разлился насыщенный вкус куриного бульона, а на кончике языка ощущалась легкая острота. Пасты из бобов и масла чили было в меру, так что острота и соль в бульоне гармонично сочетались. Стоило надкусить мясо, как горячий сок с языка покатился прямо в желудок.

— Вкусно ведь? — с легкой гордостью спросил Жун Бай.

Видимо, самодовольный вид Жун Бай пришелся ему не по душе, и Цзян Яньбай ничего не ответил. Он лишь опустил голову, так что теперь Жун Бай не мог разглядеть выражение его лица. Тусклый свет лампы падал на лицо мальчика, а его длинные, загнутые вверх ресницы напоминали две маленькие щеточки.

— Может, переедешь жить ко мне? — предложил Жун Бай. Он уже нашел Цзян Яньбая, но понятия не имел, что делать дальше. Он совершенно не представлял, как перейти к следующему шагу и вернуться назад.

К удивлению Жун Бая, Цзян Яньбай с мрачным лицом покачал головой. Такой бедный, что даже мяса не видит, и такой слабый — любой учитель, дядя или тетя могут помыкать им как хотят.

Прожив столько лет, он почти не знал хороших дней.

И вот появился Жун Бай: он продемонстрировал впечатляющие финансовые возможности и прямо заявил, что намерен защищать мальчика.

Но даже несмотря на это, Цзян Яньбай отказался.

— Почему? — Жун Бай заглянул в глаза Цзян Яньбаю. В этот момент он не воспринимал его как ребенка — он общался с ним на равных, как со взрослым.

Цзян Яньбай молчал, в комнате повисло тяжелое молчание. Возможно, в тот момент он и сам не понимал, чего именно хочет. Он был еще слишком малом, и им руководила лишь интуиция.

— Хочешь вернуть наследство родителей? — предположил Жун Бай.

Цзян Яньбай поднял голову. Его черные глаза казались неподвижной, застывшей гладью воды, однако Жун Бай сумел разглядеть в этой темноте скрытую ярость и ненависть. Такая глубокая боль заставила Жун Бая на мгновение содрогнуться.

— Я не знаю, — голос Цзян Яньбая был тихим, почти невесомым, словно бормотание про себя. Он смотрел прямо в глаза Жун Баю взглядом, совершенно не детским: — Но я не могу доставлять тебе неприятности.

Жун Бай был единственным человеком, от которого он видел добро, и мальчик не мог воспринимать это как должное.

В конце концов они вдвоем подчистую умяли весь стол со свежими овощами и мясом. Жун Бай ел в основном мясо, а Цзян Яньбай налегал на всё подряд, и по нему ни за что нельзя было сказать, что он привык жить впроголодь.

Цзян Яньбай проявлял удивительную сдержанность и не был жадным. Выросший в такой обстановке, он неожиданно для всех оказался человеком с железной силой воли.

Наевшись досыта, Цзян Яньбай сам собрал со стола посуду. Впервые в жизни он занимался домашней работой и при этом не чувствовал себя рабом.

В доме дяди ему вообще не разрешалось садиться за обеденный стол. Дядя и его семья сидели вокруг, они-то были настоящими родственниками. А он мог лишь присесть на корточки, прижимая к груди миску. Иногда ему перепадал вчерашний сухой рис с парой кусочков солений.

Порой давали лишь один паровой хлебец, и даже без солений.

Садясь за стол, дядя неизменно с фальшивой улыбкой говорил ему: — Только благодаря нашей

доброте ты еще жив, иначе кто стал бы кормить этого дармоеда? Наверное, в прошлых жизнях ты сделал немало хорошего, раз тебе так повезло наткнуться на меня.

А обязанности по уборке дома целиком лежали на нем. Вся грязная и тяжелая работа по дому была его уделом с тех пор, как он научился твердо стоять на ногах.

Единственное, к чему его не подпускали — это к готовке, видимо, опасаясь, что он станет воровать еду.

— Пошли, я провожу тебя, — раз уж Цзян Яньбай решил не оставаться, Жун Бай не стал настаивать. Он хотел узнать жизнь мальчика со всех сторон, включая его родственников.

В такое время магазины на улице уже почти закрылись, да и судя по тому, какой Жун Бай представлял себе Ян Цзиньчай, дешевые подарки вряд ли заслужили бы ее одобрение.

Жун Бай вздохнул, подошел к кладовой и стал наугад перебирать вещи, которые когда-то бросил туда. В основном это были разные поделки и прочая дребедень, половины которой Жун Бай уже не помнил.

Подарить дорогие марки алкоголя было нельзя: хотя временная линия отличалась, ход развития мира был прежним, и те же бренды наверняка уже существовали.

Если выбросить такую вещь наружу, она неизбежно исказит ход времени, а Жун Бай вовсе не хотел, чтобы временная шкала рухнула раньше, чем удастся во всем разобраться.

В конце концов Жун Бай выбрал набор стеклянных бокалов на высоких ножках тонкой работы. Чей это был подарок, он уже не помнил, но стоил такой комплект, судя по всему, немало.

Самое удивительное было в том, что стоило наполнить их вином, как на солнце они начинали переливаться множеством красивых лучей.

Впрочем, они с Цзян Яньбаем пили редко, и этот набор так и пылился без дела.

Бутылку вина Жун Бай тоже подобрал. Этикетка пестрила английскими буквами, марка была малоизвестной, а объемы производства — небольшими, так что переживать ему не стоило.

Когда Жун Бай закончил сборами, Цзян Яньбай уже ждал у выхода. По привычке он тут же попытался забрать вещи из рук Жун Бая.

Опустив голову, мальчик излучал мрачную ауру — большинство людей не любят таких детей, предпочитая им улыбчивых и простодушных.

Судя по одному лишь внешнему виду, Цзян Яньбай совершенно не подходил под стандарты всеобщего любимчика.

— Спасибо, — голос Цзян Яньбая был тихим, а из-за опущенной головы Жун Бай не мог разглядеть его лица. — Хого был очень вкусным.

С этими словами, не дожидаясь ответа, Цзян Яньбай прижал к груди охапку хрупких вещей и бросился вперед.

Только сам Цзян Яньбай знал, что его лицо сейчас пылало от смущения, словно под кожей бурлила раскаленная лава и вот-вот готово было рвануть извержение.

Бокалы и вино в те времена считались редкостью, а всё иностранное стоило дорого. Стекланные посудыны выходили дешевле, на рынке их хватало.

Но за всё хорошее надо платить: хороших стеклянных бокалов — ни отечественных, ни импортных — семья Ли Дачэна позволить себе не могла.

Уличные фонари уже зажглись, но из-за скачков напряжения они то гасли, то загорались вновь. Свет был не белым и ярким, а тусклым и мертвенно-желтым, позволяя лишь с трудом различить дорогу перед собой.

Местами асфальт потрескался или вздулся буграми, по обочинам чернели толстые масляные пятна — всё здесь дышало ветхостью.

Цзян Яньбай шел впереди, то и дело оглядываясь назад, вероятно, боясь, что Жун Бай заблудится.

Жун Бай был другим, он не был похож ни на кого в этом месте, и маленький Цзян Яньбай отчетливо это чувствовал.

Они подошли к старому обшарпанному жилому комплексу, где жили Ли Дачэн и Ян Цзиньчай. Жун Бай окинул взглядом местность:

Всюду текла грязь и помои, на углах громоздились кучи мусора, над которыми кружили мухи, источая тяжелый, удушливый смрад.

Даже по меркам тех лет подобная антисанитария встречалась редко.

— Осторожнее, — предупредил Цзян Яньбай. Лампочки в подъезде давно перегорели, их никто не чинил, и в темноте порой не удавалось разглядеть даже ступени под ногами.

Внутри подъезда стоял сырой, затхлый запах — добавь сюда подходящий звуковой ряд, и получится готовая декорация для фильма ужасов.

Жун Бай впервые оказался в таком районе. Он озирался по сторонам, но перед глазами по-прежнему расстилалась непроглядная тьма, пока они наконец не вышли из лестничного пролета на галерею — там свет всё-таки горел.

Сделав еще один поворот, Цзян Яньбай остановился перед дверью с номером 324: — Мы пришли.

Жун Бай постучал, и уже через несколько секунд изнутри кто-то отозвался.

Дверь отворил мужчина: дородный, с пузатым животом, одетый в явно малый ему полосатый костюм и кожаные туфли со стертыми до дыр носками.

В отличие от некоторых полных людей, чьи лица кажутся добродушными, этот тип выглядел откровенно свирепым — казалось, дай ему в руки тесак для разделки арбузов, и он тут же устроит кровавую разборку.

— Вы господин Ли? — Жун Бай снова напустил на себя приветливую улыбку, располагающую к себе собеседника. — Я Цзян Жунбай, мы общались днём с тетей Ян, я обещал заглянуть к вам вечером.

С этими словами Жун Бай шагнул вперед и с искренним видом протянул принесенный подарок.

Ли Дачэн кашлянул; судя по всему, Ян Цзиньчай предупредила его о визите. Он принял коробку обеими руками, даже не пытаясь отказаться, и рывкнул вглубь квартиры: — Мать твою, иди заberi, убери куда-нибудь!

Затем он посторонился: — Проходите, садитесь, обувь можете не снимать.

Тут Ли Дачэн заметил стоявшего за спиной Жун Бая Цзян Яньбая. Брови мужчины тут же сошлись на переносице, а на языке вертелась ругань.

— Дядя Ли, я сегодня зашел за Яньбаем после школы, попросил его помочь мне донести вещи. Сам я толком не знал, что вам нравится, поэтому попросил его подсказать, — Жун Бай вошел в комнату и обнаружил, что обстановка внутри вовсе не выглядит бедной — ее скорее можно было назвать роскошной.

Здесь стоял диван из натуральной кожи, черно-белый телевизор в корпусе, велосипед и швейная машинка — по тем временам всё это считалось обязательным набором богатого дома.

Ругань так и застряла у Ли Дачэна в горле.

— Мать твой! — рявкнул Ли Дачэн.

Из спальни тут же выскочила испуганная Ян Цзиньчай. Семеня ногами, она приблизилась, собираясь взять коробку, но Ли Дачэн с размаху пнул ее в голень.

— Глухая, что ли?! — взревел он. — Оглохла или умом тронулась?! Не слышишь, когда хозяин говорит?!

Ян Цзиньчай через силу улыбнулась: — Слышу, слышу.

После этого она торопливо отнесла коробку к шкафу.

— Садитесь, — Ли Дачэн чувствовал себя полновластным хозяином в этом доме и всегда говорил так, будто его слово было законом. По его лицу было видно, как сильно он гордится тем, что сумел вышколить жену. — Эта старая калоша, если ее хоть день не отлугать, вся чесаться начинает, — бросил он, косясь на принесенный Жун Баем подарок.

Жун Бай лишь улыбнулся и ничего не ответил.

Он скосил глаза на сидевшего в стороне Цзян Яньбая и в это мгновение, пока мальчик прятал взгляд, успел заметить выражение его глаз.

Это был взгляд человека, готового разорвать врага на куски и выпить его кровь.

<http://bllate.org/book/24643/2898749>